

Блок 6

Сегодня. — 1994. — 21 июня. — с. 10.

Сергей Фомин

а

все-таки как в программу с лозунгом «Все человеческое — нам?» попадают политические новости? Неужели и в политике есть что-то человеческое?

— Есть темы, которые являются вроде бы фактом политической жизни, но на самом деле воспринимаются вполне бытово. Что такое субботник? Что такое Первомай, если говорить о тех датах, которые недавние? Это вещи, с одной стороны, как бы политические, но, с другой, все это неразрывно связано с пивком, лучком, рыбкой и, прости Господи, водочкой. Таким образом, одни из главных составляющих двух этих политических дат оказываются вполне общечеловеческими.

— Недавно «Комсомольская правда» опубликовала интервью журналистки Ольги Фокиной, недовольной тем, как в «Намедни» был подан ее материал. Там, кроме всего прочего, она процитировала: «Теперь другие ценности...» Какие?

— Это было не интервью, а открытое письмо, почти «рабочих тамбовского завода китайским руководителям». А что касается «ценностей», то, как мне представляется, люди просто стосковались по частной жизни, по тому, что связано со словами «private», «приватный». Они долгое время были отгорожены от того, что называется «обществом потребления». У них были неправильные представления о потребительских стандартах, когда лучшими кедами считались «Два мяча», лучшей машиной — белая «Волга», а лучшие костюмы шились на фабрике имени Володарского. А теперь во всем, что касается повседневной жизни, для очень и очень многих идет активный процесс освоения огромного мира, который был недоступен им прежде. И, кроме того, поскольку выбор строя произошел, естественно, что, чем далее, тем более страна становится пусть развивающейся, но буржуазной республикой, где треть, а то и больше населения, не ходит на выборы потому, что живет своими заботами. И понимает при этом, что принципиально выборы ничего не меняют. На тех выборах, когда у нас была, кажется, самая большая явка, еще в Верховный Совет СССР, конкурентом Ельцина был господин, тогда еще — товарищ — Браков, продолжающий и теперь оставаться директором ЗИЛА. Сейчас он умоляет о государственных инвестициях, потому что наконец стало ясно, что ЗИЛ не то чтобы никому не нужен, но он мало кому нужен. Или, во всяком случае, недостаточно тех, кому он нужен, чтобы считать господина Бракова по-прежнему серьезной фигурой.

— В той же статье из «Комсомолки» были процитированы и такие слова: «Забуть о слове интеллигенция». Как ни странно, это обоснование идейной базы «новых ценностей» прозвучало вполне по-интеллигентски. Или, может быть, можно говорить о «новой интеллигенции» и «старой»?

— Я не знаю значения слова «интеллигенция». Мне всегда представлялось, что слово «интеллигенция» — это слово ругательное. Что отличало интеллигента от просто интеллектуала, то есть пролетария умственного труда? Думается, что «активная жизненная позиция», забота о «благах народа»... Мне представляется это делом глубоко порочным и ненужным. И именно интеллигентские заклипания: «Мало ли, что ты слесарь, ты после смены приди домой и читай Стендаля», должны пройти. Во всяком случае слесарь этого давно уже не слушает. Раньше ему все-таки что-то можно было втолковать, и он, полуоправдываясь, полугрубя, говорил в ответ: «Мы академиев не кончали». Но теперь, слава Богу, возобладало понимание того, что «выйти в люди» не значит порвать со своей средой, и того, что деньги могут стать, в конце концов, мерилем общественно значимого труда и степеней общественного признания человека, а не при знаком окончания какого-то там сто семьдесят восьмого в стране политехнического института...

— По поводу телевизионной аудитории, тех, на кого, так сказать, работает «Намедни». На выступлениях сотрудников НТВ в Доме кино, прозвучало: основная масса «активных» телезрителей — это жители небольших городов, и чем менее город «столичный», тем более в нем сильно влияние телевидения...

— Смотрят-то его все. Но больше верят телевизору и более активно делают свою жизнь с телевидения, конечно, жители Пижмы или Чулуева. Страна мы очень централизованная, и у нас все — от циркуляров о новом налогообложении до ширины галстуков — исходит из Москвы.

— Но последние выборы показали, что именно эти регионы, то есть «менее столичные», проголосовали отнюдь не за «новые ценности». Может быть, и это было внушено из Москвы и именно посредством телевидения?

— Я не мастак судить о феномене того или иного политика. Мне кажется, что ничего там на самом деле не внушалось, и той же самой интеллигенцией все это надумано и придумано. Я не знаю, действительно ли результаты этих выборов были порождены Москвой. Но резонанс по поводу этих результатов порожден Москвой на сто процентов.

— Что значит быть «самым элегантным телеведущим». Как это делается?

— Я не знаю...

— Ну хотя бы то, что касается внешнего облика. В программе участвует специальный стилист, дизайнер?..

— В принципе, я не делаю над со-

одно плечо немножко выше другого, особенно, если фон — контрастный. Раньше я не пользовался вообще никакими консультациями. Сейчас с НТВ работает известный стилист Лев Новиков. У нас с ним было несколько разговоров по поводу предпочтительных цветов одежды, и мы выбрали такую «холодную классику» — достаточно классический силуэт и, в основном, холодные цвета. У меня стандартная фигура — пятидесятилетний размер, пятый рост, мне ничего не нужно специально шить, я ношу конфекцию. В этом смысле у меня нет никаких проблем. А Лева еще занимается моей башкой — у меня шестьдесят второй размер головы, — и, если бы прическа была слишком пышной, то, даже при пятидесятом размере, плечи выглядели бы узковатыми, а голова — великоватой.

— Автор и ведущий программы «Намедни» принадлежит к тому поколению тележурналистов, которые начали работать уже вне нравов и обычаев «указательной системы»...

— Отчего же! Еще сам Леонид Петрович Кравченко называл меня «тезкой». Я храню к нему теплые чувства, потому что он терпел первые «Намедни». Я еще помню, когда телевидением руководил

Сыны эфира

перек живота ползет титр: «Нар. арт.» или «Глав. реж.», или «Нар. худ.» — так как это было в программе «Время». Что такое — непроизводительная и неполитическая сфера? Это медицина или, что реже, — вернисажи, или сбор трупы во МХАТе. В этой области наши ньюсмейкеры — в диапазоне от Андрея Битова до Маши Распутиной. Но кроме того должны быть описания явлений, а не только

Теперь, слава Богу, возобладало понимание того, что «выйти в люди» — не значит порвать со своей средой. И понимание того, что деньги могут стать в конце концов мерилем общественно значимого труда и степеней общественного признания человека.

то, что кто-то что-то поставил и кто-то что-то о чем-то написал. Мы сузим палитру, если будем привлекать только к премьерам, вернисажам, юбилеям, выходам собраний сочинений.

— Не кажется ли, что в этой «остаточной» области работать сейчас труднее, чем вне ее? В политике, по крайней мере, каждый день что-то происходит — договариваются, обсу-

Леонид Парфенов: Мне остается то, что составляет образ жизни

Аксенов, которого, правда, никто в Останкино не видел, и потому тот же Кравченко, бывший первым замом, руководил там всем. Все они были «ретрансляторами», и они, собственно, этого не скрывали. Я помню недовольство Лигачева по поводу Анатолия Стреляного. Я был редактором одной программы, в которой тот принимал участие. Ее в конце концов положили на полку. Замечательную фразу Лигачева «недострелянный Стреляный» я очень хорошо помню. Я долго потом говорил: посмотрите какой прогресс — второй человек в государстве недвусмысленно указывает, каким он хотел бы видеть автора телепрограммы, и никто не побежал достреливать. Очень большой прогресс — мы просто-таки шагаем к гуманизму. Нет, я все это застал...

— Насчет «всего человеческого...» Не исходил ли лозунг программы, выходящей в субботу, из известного афоризма, что «не человек для субботы, а суббота для человека»?

— Я до сих пор не был знаком, к сожалению, с этим афоризмом. Но, кроме всего прочего, существует довольно четкая и внятная «информационная линейка»: есть «новости дня», которые делают Миткова и Осокин, есть политические новости недели, которые делает Киселев. Что остается мне?

— Все остальное...

— Поэтому моя задача заполнить неизбежно остающиеся ниши. После джентльменского набора из «боснийских анклавов», Грачева и Черномырдина, Клинтона, Мейджора, покойного Никсона и сломанной ноги римского папы остается довольно немного. Но у других тоже немного возможностей отразить то, что оказывается моей «сферой влияния» — какая-то премьера в Большом театре, еще что-то, что может пойти в разряд «событий дня». Трудно представить, что в этот ряд вошла бы первая продажа работ Энди Уорхола в галерею Марата Гельмана или то, что у Петлюры закрыли художническое подворье. Или то, что в Калуге на дискотеке главный хит — «Плачет девочка в автомате». Мне остается то, что составляет образ жизни, стиль жизни — какие-то моды, развлечения, ночная житуха... Что принято, что не принято, что престижно, что не престижно. Все эти категории, строго говоря, точно не являются новостями дня. Это такие новости —

ждает, назначают, снимают, сажают, выпускают...

— С политикой все гораздо яснее — есть чин у человека, значит, это значительно. «Такой-то, может быть, станет министром обороны...», — это будет в теленовостях всегда. И всегда одинаково: вот портрет одного, вот — другого, вот общий план министерства обороны, вот крупный план Кремля, вот Ельцин в малиновом берете, вот вам, пожалуйста, комментарий к тому, что кто-то, может быть, станет министром обороны. А, может быть, и не кто-то. А, может быть, и не станет. А, может быть, и не министром и совсем уже не обороны. А, может, это дворник был, он шел по сельской местности, и далее — по тексту. Я не умаляю ничьих достоинств и не иронизирую, я просто объясняю, что это — традиция, к этому все привыкли, это все ясно и понятно.

— Возвращаясь к идее «общества потребления», нельзя ли сформулировать его принципы в виде лозунга? Прежде было достаточно готовых формулировок по поводу того, зачем мы живем — на все был лозунг из трех слов, а что сверх того, то от лукавого, в том числе и «общество потребления»...

— Я не могу предложить какую-то чеканную форму, но могу сказать следующее: «Прожить положенные тебе семьдесят лет по возможности комфортно, обеспечить счастливое будущее детям, быть довольным, иметь хорошее настроение...» Это, кстати, предполагает некоторый набор не только материальных, но и духовных ценностей. Вроде интересной работы, перспектив, поездок, образования, здоровья, отдыха. Ведь общество потребления началось у нас гораздо раньше, чем о нем заговорили. Года так с 1965-го мы активно живем в обществе потребления, и никто даже этого не отрицал. Как только пошло массовое кооперативное жилищное, гаражное и садоводческое строительство — тут мы и стали обществом потребления. И только потому, что мы прожили в обществе потребления, у нас есть очень большой, советский правды, средний класс, понастроивший квартир, выдававший удачно замуж дочек, определивший сыновей в хорошие вузы, понаделавший дачек, понакупивший всяких стенок и гарнитуров. И не вдруг все уперлось в эту самую недвижность. Это только раньше мы вроде бы и слова-то такого не знали, а теперь почему-то без него стало стыдно выйти на улицу, все это